

В.Л. Коровин

**«НАД ИХ БРОВЯМИ НАДПИСЬ АДА...»:
(О ШУТОЧНОЙ ЦИТАЦИИ ДАНТЕ
В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» И ЕЕ НЕЗАМЕЧЕННОМ
ОБРАЗЦЕ В «ТАВРИДЕ» С.С. БОБРОВА)**

Аннотация

Стих Данте из надписи на вратах ада (Inferno, III: 9) в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» появляется в контексте игривого рассуждения о женщинах (глава 3, строфа XXII). Обычай шуточного использования этого стиха в его время был широко распространенным. Однако, как показано в статье, в данном случае образцом Пушкину послужил «эротический» фрагмент третьей песни поэмы С.С. Боброва (1763–1810) «Таврида» (1798; 2-я ред. «Херсонида», 1804), где аналогично используется девиз «memento mori».

Ключевые слова: Данте, «Божественная комедия», надпись Ада, Пушкин, «Евгений Онегин», Семен Бобров и его поэма «Таврида» («Херсонида»).

Korovin V.L. *«Above their eyebrows Hell's inscription...»: (On the humorous citation of Dante in the «Eugene Onegin» and on its unnoticed pattern from «The Tauris» by Semyon Bobrov)*

Summary. The Dante's verse from the inscription on gates of Inferno (III: 9) appears in a context of playful speculation on women in Pushkin's «Eugene Onegin» (Chapter 3, strophe XXII). In his time it was a widespread custom to use this verse humorously. Nevertheless, as it is shown in the article, in this case the Pushkin's model was the 'erotic' fragment of the third song of poem by Semyon Bobrov (1763–1810) «The Tauris» («Tavrida») (1798; the second redaction named «The Chersonede» («Khersonida»), 1804), where the «memento mori» quotation is used similarly.

Стих Данте, заключительный в надписи на вратах ада (Inferno, III: 9), цитируется в третьей главе «Евгения Онегина» (строфа XXII):

*Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;
Дивился я их спеси модной,
Их добродетели природной,
И, признаюсь, от них бежал,
И, мнится, с ужасом читал
Над их бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.
Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада.
Быть может, на берегах Невы
Подобных дам видали вы¹.*

В полном издании романа (1833) Пушкин дал примечание (20-е): «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate. Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха»².

Двусмысленность этого комментария усиливала комический эффект от неподобающего использования «славного стиха». Именно Данте Пушкин так и не назвал, поскольку речь шла о ходячей цитате, часто тогда употреблявшейся в шуточном контексте³. Непосредственным источником для автора «Евгения Онегина» мог стать анекдот Шамфора: «Терпеть не могу женщин непогрешимых, чуждых людским слабостям, – говорил М*. – Мне все время мерещится, что у них на лбу, как на вратах Дантова ада, начертан девиз проклятых душ: Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate»⁴. Н.О. Лернер, первым указавший на этот текст, заключил, что в соответствующей строфе «Пушкин несколько распространил и расцветил заметку Шамфора»⁵. Поскольку последний входит даже в круг чтения Онегина (глава 7, строфа XXXV), на этом вопрос об источниках шуточного цитирования сурового дантовского стиха, казалось бы, можно было считать закрытым. Однако нечто подобное находится и в одном поэтическом произведении, Пушкину хорошо известном. Это поэма С.С. Боброва «Таврида» (1798; 2-я ред. «Херсонида», 1804), первая русская поэма о Крыме, заинтересовавшая Пушкина еще в период работы над «Бахчисарайским фонтаном» (1821–1823)⁶.

В начале III песни «Тавриды» описываются крымские сады, названные «прекрасными лицами», а далее следует фрагмент, посвященный татарским («скифским») женщинам.

*Их Гурии прелестны, – правда;
Но розы уст, багрец ланит
И алебастровые груди
Под кисею погребают,
И возраст часто сокрывают
В своей ревнующей Симаре;
Хотя бы семьдесят лет было,
Но их морщины б утаили
Под Анатольской Аладжей
Стенящу надпись: – Помни смерть!
А вместо бы того вещали: –
Не ошибись, молодой Мурза!
Иль заключенные сидят,
Как бы Данаи в медных башнях,
Под стражею скопцов в Гаремах⁷.*

Последний стих Пушкин, по его собственному выражению, «украл» для «Бахчисарайского фонтана»⁸. Об этом он сообщал П.А. Вяземскому в письме от 1–8 декабря 1823 г., где по памяти (поскольку не совсем точно) процитировал этот стих: «Меня ввел в искушение Бобров: он говорит в своей “Тавриде”: *Под стражею скопцов гарема*. Мне хотелось что-нибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность»⁹.

Работа над третьей главой «Евгения Онегина» началась уже через два месяца, 8 февраля 1824 г. (завершена в сентябре). Интересующая нас XXII строфа, конечно, не случайно перекликается с приведенными стихами Боброва, у которого предельно серьезная, «стеняща надпись» «Помни смерть!» (*memento mori*), рисуемая «морщинами» (ср.: «над их бровями»), тоже возникает в игровом, в общем, юмористическом контексте¹⁰. Его отношение к женам «скифских смуглых селян», обитательницам крымских гаремов, не лишено иронии (как и отношение Пушкина к дамам «на берегах Невы»):

*Им неизвестны те беседы,
Где с недостатком совершенство
Открыто в просвещенном мире;
Лишь мельня в вкусе Азиатском
Роскошным служит им гульбищем,
Свиданья местом и бесед¹¹.*

Далее следует обращение к «росским нимфам», более достойным красот крымской природы:

*О вы, любезны Росски нимфы,
На коих облеченна в снег
Природа на челе и груди
Взрастила вечные лилеи,
На коих дышущие розы
В ланитах и устах прекрасных
Дают законы Росским Марсам!
<...>
Здесь также бы румянец ваш
И вздох любовный мог пленять!¹²*

При всей комплиментарности этого мадригала нетрудно заметить, что речь идет о «нимфах», умеющих пользоваться своими прелестями и «давать законы» мужчинам. Пушкин вслед за строфой о «красавицах недоступных» говорит о подобных бобровским «нимфам» «причудницах» (кокетках) «среди поклонников послушных» (строфа XXIII).

В итоге Бобров возвращается мыслями к единственной своей возлюбленной Зарене:

*О миловидная Зарена! –
Все звезды в севере блестящи,
Все дочери севера прекрасны;
Но ты одна средь их луна...¹³*

К этим строкам, восходящим к фрагменту Сапфо¹⁴, имеется очевидная параллель в седьмой главе «Евгения Онегина» (строфа LI: «У ночи много звезд прелестных...»), что отметил еще П.О. Морозов¹⁵.

Самым интересным представляется совпадение общего хода мыслей в «эротическом» отрывке третьей песни «Тавриды»

с XXII–XXIV строфами третьей главы «Евгения Онегина»: неприступные (и, возможно, двуличные) петербургские дамы (XXII); кокетки, дурачащие своих воздыхателей (XXIII); Татьяна, которая «любит без искусства» (XXIV). Ср. у Боброва: обитательницы гаремов, скрывающие свой возраст или попросту недоступные; «росские нимфы», чей «румянец и вздох любовный» может «пленять сердца»; единственная для поэта Зарена.

Надписи «над бровями» петербургских дам и крымских старух разные, но у обоих поэтов это серьезные надписи, используемые в похожих шуточных контекстах и с полным пониманием их исходного смысла.

Надпись на вратах Дантова ада должна внушать ужас перед вечностью адских мук, а девиз «memento mori» – мысль о скоротечности жизни. Автор «Евгения Онегина» «надпись ада» «над бровями» петербургских дам, «непостижимых для ума»¹⁶, читает, как и положено, «с ужасом» и бежит от них, страшась кары. В «Тавриде» «младой мурза», не разглядевший вовремя напоминание о смерти под покрывалом обитательниц гаремов, рискует быть обманутым и испытать разочарование. В обоих случаях поэты, прочитав и поняв надписи «над бровями» недостойных женщин, оставляют их и возвращаются к главным предметам своего вдохновения – к «миловидной «Зарене», к «милой Татьяне».

В «Тавриде» нет ни имени Данте, ни его «славного стиха», но способ цитирования Бобровым нравоучительного девиза «Помни смерть!» (memento mori) в шуточном рассуждении о женщинах и любви, на наш взгляд, послужил образцом Пушкину, который в «Евгении Онегине» подобным образом использовал знаменитый стих «Божественной комедии».

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. – М.; Л., 1937. – Т. VI. – С. 61.

² Там же. – С. 193. В отдельном издании третьей главы «Евгения Онегина» (1827) примечания отсутствовали.

³ См.: Виноградов В.В. Стиль Пушкина. [2-е изд.]. – М., 1999. – С. 441–443 (приведены примеры из писем П.А. Вяземского); Дёмин А.О. Данте // Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – СПб., 2004. – С. 125 (Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX). В частности,

цитата из Данте в измененном виде появляется в написанном по-французски письме самого Пушкина к Е.М. Хитрово от 20 марта 1831 г.

⁴ *Шамфор*. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты. – М., 1966. – С. 217 (лит. памятники).

⁵ *Лернер Н.О.* Пушкинологические этюды. VII. Пушкин и Шамфор // Звенья. Вып. V. – М.; Л., 1935. – С. 121. Ср.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Изд. 2-е. – Л., 1983. – С. 221. В.В. Набоков указал другое высказывание Шамфора: «Надежда – это просто-напросто обманщица, которая только и знает что водить нас за нос. Должен сказать, что, лишь утратив ее, я обрел счастье. Я с радостью написал бы на райских вратах стих, который Данте начертал на вратах ада: *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate*» (*Шамфор*. Указ соч. – С. 22). Ср.: *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Перевод с англ. СПб., 1999. – С. 315.

⁶ О «Тавриде» и отношениях Пушкина к Боброву см. в кн.: *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество. – М., 2004. – С.46–54, 147–154.

⁷ *Бобров С.С.* Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-эпическое песнотворение. – Николаев, 1798. – С. 69–70. Во второй редакции поэмы в этом месте есть незначительные разночтения, см.: *Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. – М., 2008. – Т. 2. – С. 85 (лит. памятники). Последние три стиха содержат аллюзию на Овидия (*Argi amandi*, III: 415–416): «Скрой Данаю от глаз, чтобы дряхлюю стала старухой / В башне своей, и скажи, где вся ее красота?» (*Овидий*. Собр. соч.: В 2 т. – СПб., 1994. – Т. 1. – С. 193, перевод М.Л. Гаспарова).

⁸ Этот эпизод хорошо известен и в пушкиноведческой литературе обсуждался многократно, впервые – в заметке Н.А. Энгельгардта (*Чтец*. Пушкин и Бобров // Новое время. – 1900. – № 8855, 21 октября. – С. 6).

⁹ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. – М.; Л., 1937. – Т. XIII. – С. 80. Пушкин помнил, что критики отмечали у Боброва «неблагодетство некоторых мыслей и выражений, простирающееся иногда до отвратительного цинизма» (*Крылов А.А.* Разбор «Херсониды», поэмы Боброва // Благонамеренный. 1822. – Ч. 17. – № 12. – С. 463). Имелось в виду сравнение Фортуны со «страстной блудницей», которая порой и рабу «...дает свою бесстыдну руку, / Роскошно разверзает лоно» (*Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. – М., 2008. – Т. 2. – С. 271).

¹⁰ В целом в этом фрагменте Бобров отталкивался от «Науки любви» Овидия, где тот угрожает несговорчивым красавицам морщинами и сединой (*Argi amandi*, III: 69–80). Отсылки к «Науке любви», имеющиеся в интересующих нас фрагментах «Тавриды» и «Евгения Онегина», лишний раз обнаруживают их перекличку (может быть, отчасти пародийную). Для Пушкина Бобров был единственным русским поэтом, который прежде него испытал ссылку примерно в тех же краях, что Овидий. Об этом нам уже приходилось писать, см.: *Коровин В.Л.* Пушкин–Овидий–Бобров (О начальных строфах главы восьмой

- «Евгения Онегина») // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2007. – Т. 66. – № 3 (май-июнь). – С. 41–47.
- ¹¹ Бобров С.С. Таврида. – С. 70.
- ¹² Там же. – С. 70–71.
- ¹³ Там же. – С. 71. Обращения к Зарене (ее имя, кстати, созвучно Зареме, героине «Бахчисарайского фонтана») проходят через всю поэму Боброва. В «Херсониде» он переименовал ее в Сашену (по имени своей жены Александры).
- ¹⁴ Ср.: «Звезды близ прекрасной луны тотчас же / Весь теряют свой яркий блеск, едва лишь / Над землей она, серебром сияя, / Полная, встанет» (Эллинические поэты VII–III вв. до н.э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика. – М., 1999. – С. 336, перевод В.В. Вересаева).
- ¹⁵ Пушкин А.С. Сочинения / Под ред. и с объяснительными примеч. П.О. Морозова: [В 7 т.]. – СПб., 1912. – Т. 3. – С. 284.
- ¹⁶ «Непостижимость» этих дам «для ума» отлично согласуется с таинственным характером надписи на вратах ада, прочитав которую, Данте обращается к Вергилию: ««Maestro, il senso lor m'è duro» (Inferno, III: 12). В переводе П.А. Катенина (1827–1830) соответствующая терцина звучит так: «Сии слова над дверью на стене / Я прочитал и молвил, вопрошая: / «Учитель мой, я не пойму вполне»» (Катенин П.А. Избр. произведения. – М.; Л., 1965. – С. 200 (Б-ка поэта, бс)).